

А.Г.Юрченко

ТАЙНЫЕ МОНГОЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦИСКАНСКОЙ МИССИИ 1245 ГОДА)

Источники

Предметом нашего исследования являются несколько исторических документов, связанных с деятельностью францисканской дипломатической миссии 1245 г, отправленной к монголам папой Иннокентием IV. Это критическое издание “Книги о Тартарах” Иоанна де ПIANO Карпини, подготовленное в 1989 г центром медиевистики в Сполето (Giovanni di Pian di Carpine, 1989). В 1965 г Г.Д.Пейнтер опубликовал по кодексу XV в. текст “Истории Тартар” брата Ц. де Бридиа (The Vinland ..., 1965). В 1967 г О.Оннерфорс подготовил второе, исправленное, издание этого текста (Hystoria Tartarorum ..., 1967). “История Тартар” брата Ц. де Бридиа является ни чем иным, как сокращенным переложением донесения брата Бенедикта Поляка, переводчика францисканской миссии 1245 года. В настоящее время опубликован перевод этого текста на русский язык с историческим комментарием (Христианский мир ..., 2002).

Сообщение Вильгельма де Рубрука о монгольских погребальных обрядах есть ни что иное, как попытка, причем абсолютно безуспешная, перепроверить сведения Иоанна де ПIANO Карпини. Доминиканец Винцент де Бове (ум. в 1264 г) – автор трех обширных энциклопедий, в их числе “Историческое зеркало”, куда почти полностью включено донесение Иоанна де ПIANO Карпини. Монгольская тема занимает важное место в этом сочинении и опирается на дополнительные источники. Путеводитель по Святой Земле брата Рикольдо де Монте Кроче (ум. в 1309 г) содержит описание монгольских ритуалов с позиции миссионера (Peregrinatores ..., 1864; Vousquet-Labouérie С., 1995, pp.249-261). Рассказ французских дипломатов (в передаче Жана де Жуанвиля) о похоронах знатного кумана в 1251 г важен в качестве типологической параллели открытых и закрытых похорон у кочевников.

Во избежание недоразумений, должен отметить, что предлагая статью в специальный археологический сборник, я, не будучи археологом и занимаясь исключительно письменными источниками, преследую единственную цель: дать в руки специалистам надежный литературный материал. Сам по себе этот материал, вырванный из контекста, не несет никаких смыслов и легко становится предметом

манипуляций. В таком случае под надежностью понимается следующее обстоятельство: читая тот или иной средневековый латинский текст, мы отдаем себе отчет, кем он был написан и кому адресован. Так вот, ни один из этих текстов не был адресован современным археологам. Потребительское отношение к сведениям из дипломатических отчетов, когда они выступают в качестве фона к описанию археологических находок, в лучшем случае, выглядит некорректно, а использование этих текстов в социологических концептах выглядит просто вызывающе.

Известно, что средневековые западные дипломаты, путешественники и миссионеры испытывали особый интерес к погребальным ритуалам кыпчаков, монголов, тангутов, тибетцев, индийцев, китайцев, вполне различая обычаи кочевников, жителей городов и оазисов, обитателей таежных лесов, морских побережий и высокогорных областей. Западные наблюдатели также различали ритуалы мусульман, буддистов, даосов, несториан, индуистов и других религиозных групп. Возникает вопрос: интерес наблюдателей был продиктован этнографическим любопытством, либо же их привлекал теологический аспект альтернативных погребальных практик, либо же они детализируют монгольский имперский феномен? Первые тексты относятся к категории космографий, вторые связаны с конструированием новой картины мира, третьи определяются задачами футурологического прогноза.

Доступный сегодня корпус средневековых письменных источников носит ярко выраженный ценностный характер. Монгольские представления о другом мире и связанный с ними погребальный обряд описываются через призму христианского мировосприятия. В другой системе ценностей, например, в донесениях южнокитайских дипломатических миссий, эти описания выглядят иначе.

Проблема

Общепризнанно, что донесения миссии 1245 г относятся к числу достоверных источников. Однако широко доступный перевод книги Иоанна де ПIANO Карпини, выполненный в 1911 г А.И.Малеиным (Путешествия ..., 1957), содержит ряд досадных

ошибок. Так, например, перевод сведений, касающихся погребальных обычаев монголов, создает совершенно искаженную картину событий. Если довериться трактовке А.И.Малеина, то в донесении брата Иоанна будто бы говорится о разных способах погребения какой-то неопределенной группы знатных лиц. На самом же деле в текстах одиннадцати из двенадцати известных рукописей “Книги о Тартарах” и в “Истории Тартар” брата Ц. де Бридиа речь идет о другом: сначала описывается погребение “менее важных лиц”¹, затем сообщается о способе захоронения “более важных лиц”², и, наконец, говорится о двух некрополях на территории Монголии, где хоронили членов императорской семьи. Обряд захоронения представителей рода Чингисхана францисканцам остался неизвестен.

Таким образом, различаются три обряда погребения, связанных с иерархией социально значимой части монгольского общества. Никакого интереса к погребению рядовых кочевников францисканцы не проявили. На это обстоятельство ранее не обращалось внимания по причине невразумительного перевода А.И.Малеина. Энциклопедист XIII в. Винцент из Бове, который использовал донесение брата Иоанна и другие материалы из архива курии, однозначно понимал, что речь идет о захоронении менее знатных и более знатных монголов³.

Предварительные замечания

Принимать брата Иоанна или брата Бенедикта за авторов тех или иных известий, отраженных в их отчетах, было бы сегодня непросчительной ошибкой. Видимо, стоит отметить очевидный факт. Несомненно, францисканцы – авторы донесений, тогда как сведения получены ими на территории Монгольской империи из рук весьма осведомлен-

ных людей. Папские послы добросовестно зафиксировали то, что им сообщалось. На их счет мы можем лишь отнести ошибки и искажения при записи полученных сведений.

Оба донесения принято было рассматривать как тексты, отражающие западный взгляд на восточные реалии. И казалось, для этой позиции есть очевидные основания, ведь францисканцы совершили путешествие по дорогам Монгольской империи и были участниками коронации великого хана. Иными словами, они непосредственно наблюдали многое из того, что они описывают. Однако подавляющая часть их известий связана не с наблюдениями, а с расспросами. Это решающее обстоятельство в современных исследованиях, как правило, не учитывается. Вопрос, из чьих уст участники миссии получили те или иные сведения, остался без ответа. Высокая степень осведомленности послов не может не вызывать удивления, но по молчаливому согласию исследователей авторство материалов вменялось в заслугу самим францисканцам. Это создавало серьезные трудности при анализе сюжетов, явно недоступных францисканцам по причине языкового барьера.

Когда Иоанн де ПIANO Карпини называет свои источники, следует отнестись к нему с доверием: “Мы узнали также при дворе вышеназванного императора [многое и от тех], кто прибыл с другими князьями: от многих русских, венгров, знающих латынь и галльский, русских священников и других, кто был с ними [тартарами]; некоторые в течение тридцати лет [участвовали] в войнах и других деяниях [тартар] и знали о них все, потому что владели языком и постоянно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, одни больше, одни меньше; у них мы могли выведать все, и они сами с охотой и зачастую без вопросов излагали нам все, так как знали наше желание”⁴. Наличие надежных информаторов позволило дипломатам создать на-

¹ В донесении Иоанна де ПIANO Карпини говорится: Cum autem mortuus est, si est de minoribus, sepelitur occulte in campo, ubi placuerit eis ‘Когда же он умер, в том случае, если он из меньших чинов, его тайно хоронят в степи там, где им понравится’ (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, III. 12). Единственная рукопись дает чтение *maioribus*, все остальные – *minoribus* (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, с.241). Ср. с переводом А.И.Малеина: “Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно” (Путешествия ..., 1957, с.32).

² В донесении Иоанна де ПIANO Карпини говорится: Alius est etiam modus sepeliendi quosdam maiores ‘Существует также другой способ хоронить некоторых более важных лиц’ (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, III. 13). Соответственно у А.И.Малеина: “Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц” (Путешествия ..., 1957, с.32).

³ Si vero dives et magnus homo fuerit Tartarus qui moritur, cum habitu preciosissimo sepelitur, ac remotius ab omnibus in abscondito loco ne habitu suo spoliatur (Simon de Saint-Quentin, 1965, XXX. 86).

⁴ <...> et etiam nobis dixit superscriptionem eiusdem sigilli, et etiam alia multa secreta que nobis erant necessaria ad sciendum. Invenimus etiam in curia imperatoris predicti qui cum ducibus aliis venerant: Rutenos plures, Hungaros, et scientes latinum et gallicum, et clericos rutenos et alios qui fuerant cum eis, aliqui triginta annis, in bellis et aliis factis et sciebant omnia facta eorum, quia sciebant linguam et cum eis assidue morabantur, aliqui viginti, aliqui decem, aliqui plus, aliqui minus, a quibus poteramus perscrutari omnia. Et ipsi nobis voluntarie et aliquando sine interrogatione, quia sciebant nostram voluntatem, omnia referebant (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, IX. 39).

сыщенный тонкими наблюдениями текст, что и объясняет его необыкновенную востребованность.

От внимания исследователей ускользают простые вещи. Дело в том, что папских посланников интересовала не этнографическая реальность кочевого быта, а тайны Монгольской империи. Поэтому совсем не важно, что они увидели своими глазами, важно то, что они услышали от тех, кто знал эти тайны, и кого брат Иоанн именуется людьми, достойными доверия. Кажется, что папский нунций увидел не так уж и много, да и это небольшое потребовало разъяснений со стороны знающих людей. Отчет францисканцев – это прогноз на будущее: чего следует ожидать христианскому сообществу от монгольского хана, заявившего свои права на весь обозримый мир.

Подробная и ясная картина погребальных ритуалов монгольской знати, отраженная в донесениях, не имеет аналогов в других средневековых источниках. Исключено, что францисканцы лично наблюдали подобные ритуалы, поскольку в противном случае их, по причине ритуальной нечистоты, не допустили бы к аудиенции с великим ханом. Вместе с тем известно, что погребальные ритуалы монгольской знати были окружены глубокой тайной. Брат Вильгельм де Рубрук не смог выяснить и толики подобных сведений. Несомненное достоинство участников первой дипломатической миссии к монголам – это умение находить важные источники информации. Иначе картина выглядела бы подобно той, что сообщает, например, Фома Сплитский со слов знающих людей: “Сами татары неохотно подвергают свою жизнь опасности, но если кого-либо из них настигнет смерть в бою, они тут же хватают его и, перенеся в укромное место, зарывают в землю, заравнивая могильный холм и утрамбовывая это место копытами лошадей, чтобы не было заметно следов погребения” (Фома Сплитский, 1997, XXXVII). Тайный характер монгольских захоронений – общеизвестный факт. Никаких подробностей, связанных с погребальными вещами, Фоме Сплитскому не известно. Не известно ему и то обстоятельство, касался ли этот обряд всех погибших в бою без различия статуса или только какой-то определенной категории лиц. Равным образом никаких частных о монгольских погребальных обрядах не удалось выяснить и брату Вильгельму де Рубруку, кроме предписаний внешнего характера и общеизвестного факта, что место захоронения остается для всех тайной: *Illius qui moritur ignoratur sepultura* (Sinica ..., 1929, VIII. 4).

Если в XIX в. исследование погребальных обрядов тюрков и монголов опиралось, в основном, на письменные источники и тема не таила осо-

рых неясностей (см., например, известную статью В.В.Бартольда) (1966, с. 377-396), то лавинообразное увеличение археологических материалов за последние 80 лет породило проблему этнической идентификации артефактов. По мнению Д.Г.Савинова, “этническая принадлежность позднекочевнических погребений азиатской части степи остается неопределенной. Несоответствие имеющимся в письменных источниках (Джуджани, Карпини) описаниям погребального обряда монголов⁵ не позволяет выделить среди них собственно монгольские погребения. Все остальные этнические определения носят характер немотивированных гипотез” (Савинов Д.Г., 1994, с.166). Известно, что Джуджани описал похороны Бату; погребальный комплекс такого ранга археологами не обнаружен. В донесениях францисканцев говорится только о похоронах знати. О погребальных обрядах рядовых кочевников средневековые письменные источники вообще ничего не сообщают.

И еще одно уточнение, связанное с термином “монголы”. Империя была открытой системой, ориентированной на включение и адаптацию новых групп. “Монголами” становились все, кто обрел свое место в новой иерархии власти (Рыкин П.О., 2002). Ее отличительным внешним признаком был единый тип мужской прически (Юрченко А.Г., 2003), иерархия в группе маркировалась отличиями в воинских поясах (Крамаровский М.Г., 2002). В нач.XIV в. суть этого явления была описана Рашид-ад-дином: “В настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, керейтам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени” (Рашид-ад-дин, 1952, с.103). А для ученого-францисканца Роджера Бэкона монголы не этническая, а религиозно-политическая общность (Юрченко А.Г., 2006, с.113).

Мало кто из современников сомневался, что название “монголы” – это политоним. В таком случае любая попытка наделять термин “монголы” этническим содержанием, равно как и попытка выделить в кочевнических древностях “монгольские” и “тюркские” комплексы, неизбежно войдет в противоречие с реальным положением дел, обрисованных Рашид-ад-дином. На вопрос Л.П.Зяблина “являются ли курганы кочевников после XIII в. погребениями татаро-монголов, завоевателей XIII в., и, следовательно, можно ли говорить о татаро-монгольской археоло-

⁵ Зяблин Л.П., 1955; Именохоев Н.В., Коновалов П.Б., 1985.

гической культуре в курганах XIII-XIV вв.?” (Зяблин Л.П., 1955, с.85) следует дать, вопреки ожиданиям вопрошающего, положительный ответ. Хотя вопрос кажется мне странным. Каких монголов искал Л.П.Зяблин, игнорируя разительные перемены в Евразии? “Ныне дошло до того, что монголами называют народы Китая и Джурджэ, нангясов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами” (Рашид-ад-дин, 1952, с.103).

Как известно, в Монгольской империи утвердился принцип толерантности, что на практике означало невмешательство правящей группы в загробную жизнь своих подданных. Разнообразие частных признаков в погребальных комплексах не отрицает существования элитарной имперской культуры, реализованной в имперских праздниках, моде, религиозных диспутах и свободе вероисповедания. Однако идеи Л.П.Зяблина по этнической атрибуции признаков погребального обряда в Золотой Орде находят сочувствие по сей день (Кравец В.В., 2005, с.8-9). Отрадно отметить и сомнения в устоявшихся представлениях о том, что этнокультурная ситуация в Золотой Орде отличалась прозрачностью, где монголы выделялись на фоне тюрков и других этнических групп. Сомнения были высказаны исследователями Новопавловского могильника, который принадлежит, по мнению авторов публикации, кочевникам эпохи Золотой Орды (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007, с.93-95).

Гипотеза

Можно предположить, что градация обрядов погребения, о которой сообщили францисканцам, связана с существовавшим в Монгольской империи военно-административным делением на десятников, сотников, тысячников, нойонов-темников и, наконец, князей-царевичей. В таком случае “менее важные лица” были бы младшими офицерами, “более важные лица” (*maiores*) – старшими офицерами. Как известно, для успешной военной карьеры в империи этническое происхождение особой роли не играло. Форма прически, способ запахивания халата и т.д. были одинаково обязательны для всех, от рядового воина до императора. Различия между людьми в империи определялись системой соподчинения, т.е. рангом. Очевидно, что в донесениях

миссии говорится не столько о погребениях этнических монголов, сколько о социальном статусе умерших. Иными словами, францисканцев и их собеседников интересовали все стороны жизни и смерти узкой имперской группы, которую условно можно обозначить как “люди войны”. Эти люди реализовывали вектор экспансии, заданный Чингизидами. Западный мир с тревогой глядывался в любые проявления Монгольской империи. Тайные погребения монголов являются элементом мифологии войны.

Погребение младших офицеров

Согласно сведениям из донесения брата Бенедикта обряд выглядел так: “Если умирает богатый, его хоронят тайно в поле вместе с его юртой, сидящим в ней, и вместе с [деревянным] корытцем, полным мяса, и чашей кобыльего молока. Также с ним хоронят кобылицу с жеребенком, коня с уздой и седлом, лук с колчаном и стрелами. Одного же коня съедают друзья и шкура его, наполненная сеном, поднимается на деревянных опорах. Они верят, что в будущей [жизни умерший] будет нуждаться во всем этом, а именно, в кобылице для получения молока, в коне, для того, чтобы ездить, и также в другом [из того, что положено с ним]. Подобным же образом кладут золото и серебро” (Христианский мир ..., 2002, § 45).

Параллельный пассаж у брата Иоанна о захоронении наименее значимого лица гласит: “Когда же он умер, в том случае, если он из меньших чинов⁶, его тайно хоронят в степи там, где им понравится. И хоронят его со всей его юртой, с ним в центре, и посередине перед ним ставят стол и блюдо, полное мяса, и чашу кобыльего молока. И хоронят вместе с ним одну кобылицу с жеребенком и коня с уздой и седлом, а другого коня съедают, а шкуру его наполняют соломой, и устанавливают его либо на двух палках, либо, иначе, на четырех, [а делают это] для того, чтобы в другом мире он имел то пристанище, в котором он умер, и для того, чтобы от кобылиц он получал молоко и смог бы для себя также приумножить количество лошадей, а также скакунов, которых он мог бы оседлать. И кости той лошади, которую они съели, они сжигают во спасение души. (Как мы видели своими глазами и как мы узнали от других, зачастую также женщины по некому соглашению, договорившись, сжигают кости во спасение душ человеческих. <...>). Золото и серебро погребают вместе с ним таким же образом,

⁶ То, что речь идет о захоронении менее важного лица, подтверждает пересказ этих сведений Винцентом из Бове, который, как известно, использовал донесение брата Иоанна: Cumque fuerit mortuus, si de *minoribus* est, occulte in campis sepelitur cum uno tentorio (Simon de Saint-Quentin, 1965, XXX. 86).

повозку, в которой его везут, ломают, [и жилище его разрушают], и никто не смеет называть его личное имя вплоть до [прихода] третьего поколения” (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, III. 12).

Картина погребального обряда находит некоторое соответствие в других сведениях францисканцев, где характеризуются представления монголов об ином мире: “Они также не верят в вечную жизнь святых и не [верят] в вечное проклятие, но [верят] только лишь в то, что после смерти они вновь будут жить, приумножат стада и поглощать [пищу]” (Христианский мир ..., 2002, § 42).

Погребальный и жертвенный кони

Информаторы францисканцев говорят о сопогребении вместе со знатным покойником оседланного коня с кобылой и жеребенком; других же коней, по их сведениям, съедают. Конские шкуры, наполненные соломой, выставляют на опорах, а кости животного сжигают. Последнее, по мнению брата Иоанна, носило поминальный характер. Боевого коня, которого хоронили с уздой и седлом, не съедали; это считалось предосудительным у многих кочевых народов (Roux J.-P., 1963, с.157). Таким образом, средневековые наблюдатели различали функционально сопогребение боевого коня и жертвенных коней. Отчасти, эта практика подтверждается археологическими материалами. В поздних средневековых погребениях с территории Центрального и Восточного Казахстана умершего сопровождали седло и узда коня (Маргулан А.Х., 1959, с.254-255; Арсланова Ф.Х., 1970, с.54; Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З., 1970, с.44-45). Существует и другая точка зрения, базирующаяся на фольклорных материалах, что боевого коня, сопровождавшего своего умершего владельца, съедали участники похорон (Липец Р.С., 1982; Толеубаев А.Т., 1984, с.39-40). В любом случае при сравнительном анализе археологических и письменных источников предпочтение должно быть отдано письменным свидетельствам современников, а не поздним фольклорным данным. Эта тема обсуждалась мной с Д.В.Дубровским и отражена в его статье (Дубровский Д.В., 2002).

На первый взгляд, сведения о шкуре жертвенного коня, набитой соломой и выставленной на обозрение, кажется, противоречат практике тайных монгольских захоронений. На самом же деле эта шкура не связывалась с могилой, но, по словам Киракоса Гандзакеци, армянского историка, побывав-

шего в плену у монголов в качестве переводчика, водружалась на любом возвышенном месте. Поэтому размышления Дж.Э.Бойла о том, что менее знатных монголов хоронили не столь секретным образом, как более важных, и места захоронения первых даже маркировали лошадиными шкурами (Boyle J.A., 1965, с.146), не имеют оснований. Вместе с тем письменные источники не позволяют однозначно решить вопрос, определяется ли весь комплекс манипуляций со шкурой коня исключительно влиянием половецких обрядов. Так, например, брату Вильгельму де Рубруку не удалось выяснить никаких подробностей погребения усопших у монголов, и напротив, он описывает внешне эффектные половецкие инсталляции в виде лошадиных шкур, выставленных на высоких шестах⁷.

Сведения, полученные францисканской миссией, полностью подтверждаются известиями армянского историка Киракоса Гандзакеци, который также различает сопогребение с умершим боевых коней и жертвоприношение коней, чьи шкуры вывешивались на шестах: “[Зарывали вместе с ним] и коней тоже, ибо, говорили они, там происходят жестокие сражения. А когда хотели сохранить память об умершем, распарывали брюхо коня и через это отверстие вытаскивали все мясо без костей, затем сжигали внутренности и кости и зашивали шкуру, как если бы [у него] все тело было [в целости]. Потом, заострив длинный шест, продевали его через брюшину в рот лошади и так поднимали ее на дерево или [водружали на] какое-либо возвышенное место” (Киракос Гандзакеци, 1976, § 32; ср.: Boyle J.A., 1963, с.207-208, прим.33).

Отметим совпадение мнений обоих христианских авторов относительно сожжения костей, съедаемого на тризне коня. Брат Иоанн говорит, что их сжигают ради души умершего, а Киракос говорит, что это делается в память об умершем. В свою очередь, боевой “смертный” конь, который захоранивался с полным конским снаряжением, должен был служить в ином мире своему хозяину в битвах и переездах. Поэтому, когда умирал хан, вместе с ним погребали целые табуны боевых коней. “Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают, на тот конец, чтобы были они у него на том свете”, – сообщает Марко Поло (Книга Марко Поло, 1956, с.88).

Брат Винцент из Бове, процитировав сведения брата Иоанна о порядке захоронения менее знатного лица, далее пишет о похоронах богатого и знатного монгола и сообщает новые подробности, касающиеся жертвенного коня. Источник дополни-

⁷ Vidi quemdam noviter defunctum cui suspenderant pelles XVI equorum, ad quodlibet latus mundi quatuor, inter perticas atlas, et apposuerant cosmos ut biberet et carnes ut comederet, et tamen dicebant de illo quod fuerat baptizatus (Sinica ..., 1929, VIII. 4).

тельных сведений не известен. “Если же умрет кто-либо из богатых и важных тартар, то его хоронят в роскошных одеждах и в удалении от всех в тайном месте, чтобы его наряды не похитили. И друзья его разделяют коня, начиная с головы и до хвоста, и вырезают ремень небольшой ширины от холки и по всей длине (конского трупа), а затем, сняв всю шкуру, наполняют ее мякиной в память об умершем, используя копые в качестве конской спинной хребтины, и, наконец, подвешивают ее, расправив на двух рогатинах. Мясо же конское съедают после, как было сказано, за помин его души и устраивают по умершему плач в течение 30, а иногда и более, но бывает, что и менее, дней” (Simon de Saint-Quentin, 1965, XXX. 86).

Сообщение брата Винцента выглядит путанным. Дело в том, что если по всей длине шкуры вырезать ремень, то цельность шкуры будет утрачена, и потому ее никак уже нельзя будет набить соломой. Попробуем внести некоторую ясность, предположив, что в этом сообщении совмещены два разных описания. Сам по себе факт использования какой-то части жертвенного коня, а именно головы, и идущей от нее полосы шкуры до хвоста, сомнений не вызывает. Сравним: “У качинцев любимый конь хозяина после погребения обводится вокруг могилы, затем с него снимается узда, и он отпускается на волю, и только на 40 день он режется, череп с полосой хребтины и хвостом вешается на крест, столб или кол около могилы, а кости сжигаются” (Яковлев Е.К., 1900, с.87). Грива и хвост коня выступали в роли вместилища души (Неклюдов С.Ю., 1977, с.218). Согласно поздним этнографическим материалам, “у верхоянских и вилюйских якутов по прибытии на место погребения покойного ставили на ноги и заставляли кланяться на четыре стороны света или, чаще, на восток. На дерево у могилы вешали шкуру и череп убитого коня *хьолдуга ам* с челюстью и первым шейным позвонком, а перед уходом трижды объезжали конем могилу” (Бравина Р.И., 1986, с.16).

Погребение старших офицеров

Согласно сведениям, полученным братом Бенедиктом, обряд погребения наиболее важной категории лиц выглядел следующим образом: “Некоторых более важных хоронят так: выкапывают тайно в поле яму, края которой квадратны и достаточно малы, а внутри с обеих сторон [яму] расширяют, а другую [яму], в которой они имитируют похороны [умершего], роют рядом со стойбищем публично и открыто.

Раба же, которого [умерший] при жизни ценил сверх остальных, кладут под мертвое тело, оставляя могилу открытой. Если [раб] на третий день из под него в муках поднимался, то он становился свободным и во всем этом роду [т. е., роду умершего] уважаемым и могущественным. После этого, зарыв [истинную] могилу, они в течение ночи над [этим] местом гоняют кобылиц или овец, чтобы выровнять место, дабы чужеземцы не смогли найти сокровища, положенные вместе с ним [умершим]. Иногда также они укладывают сверху ранее снятую [с этого места] траву” (Христианский мир ..., 2002, § 46).

Записывая сведения о погребении знатных лиц, брат Иоанн не понял, что речь идет о приготовлении двух могильных ям, одной – тайной, в которой и будет похоронен умерший, другой – для имитации похорон. Этот пример показывает важность привлечения параллельного известия и свидетельствует о более надежном характере фиксации сведений братом Бенедиктом. Косвенным образом это обстоятельство свидетельствует также о том, что францисканцы не видели своими глазами этого ритуала.

О захоронении важных лиц брат Иоанн сообщает следующие подробности: “Существует также другой способ хоронить некоторых более важных лиц. Идут тайком в степь и там снимают траву с корнями, и вырывают большую яму, а в стене этой ямы делают [еще] одну яму под землей. И кладут под него того раба, который был его любимцем, [и] тот лежит под ним столь долго, что начинает почти агонизировать; затем его вытаскивают, чтобы он мог подышать, и делают так трижды; и, если он спасется, то после этого он свободен, и делает то, что ему будет угодно, и [отныне] является большим человеком в [этом] доме, а также в его роду. А [знатного] мертвого кладут в яму, сделанную в стене, с теми вещами, которые названы выше. Затем заполняют ту яму, которая находится перед его ямой, и кладут сверху траву [так], как было прежде, с тем, чтобы в дальнейшем [это] место не могло быть найдено. Прочие действия они совершают так, как сказано выше, но шатер его оставляют в степи, в стороне [от стойбища]” (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, III. 13).

В донесении брата Бенедикта нет сведений о шатре, оставляемом в степи. В свою очередь, у брата Иоанна нет сведений о табунах кобылиц, которых гоняют в течение ночи над могилкой. Наблюдение брата Вильгельма подтверждает то обстоятельство, что правило оставлять жилище усопшего касалось только знатных лиц, происходящих из рода Чингисхана⁸.

⁸ Iuxta sepulturam defuncti semper relinquunt domum unam, si est de nobilibus, hoc est de genere Chingis qui fuit primus pater et dominus eorum (Sinica ..., 1929, VIII. 4).

Согласно донесению брата Иоанна, придание прежнего вида месту захоронения знатного умершего призвано скрыть это место от всех. В донесении брата Бенедикта уточняется, что над могилой в течение ночи гоняют кобылиц или овец, чтобы выровнять место (Христианский мир ..., 2002, § 46). Джуджани заявляет, что этот монгольский обычай известен всем мусульманским народам. Действительно, монгольская традиция тайных захоронений в корне отличалась от мусульманских правил организации некрополей. Прогон табуна, несомненно, эффектный способ надежно скрыть место захоронения. Возникает вопрос, связан ли прогон табуна со стремлением скрыть могилу знатного лица, или этот прием использовался для маскировки любых могил? Другими словами, каково соотношение в этих действиях “практического” и “символического” начал?

Скорее всего, сведения о роли табунов, используемых для сокрытия места погребения, принадлежат внешним наблюдателям, и никак не связаны с внутренней мотивацией этого обычая. Поскольку табун состоял из кобылиц (женское начало), можно говорить о сценарии реинкарнации умершего, в более широком плане связанном с виртуальным переносом умершего в мир иной, либо же о “вручении” табуна его бывшему владельцу. П.Пелльо, комментируя вышеприведенный пассаж брата Иоанна, в качестве параллельного известия ссылается на отчет южнокитайских дипломатов Сюй Тина и Пэн Да-я, известный под названием “Хэй-да ши-люе” (начатый в 1233 и дополненный в 1236 гг), где говорится, что могилы монголов не имеют никакой насыпи; они прогоняют лошадей, чтобы придать месту прежний вид (Pelliot P., 1959, с.333). Относительно императорского ритуала похорон в “Юань-ши” сказано, что удаленная из могильной ямы земля лежит в должном порядке, заполнение могилы землей происходит в обратном порядке, а после захоронения земля, оставшаяся в избытке, переносится далеко в другое место (Pelliot P., 1959, с.333).

Полный перевод “Хэй-да ши-люе” содержится в рукописи докторской диссертации Н.Ц.Мункуева. Вот интересующий нас пассаж: “У их могил нет курганов. Вытаптывают [могилу] лошадьми, чтобы [она] была похожа на ровное место. Что касается могилы Тэмоджина, то [там] воткнуты [в землю] стрелы и тем самым сделана изгородь шириной более тридцати *ли*. Конные патрули охраняют [ее]. [Я, Сюй] Тин, видел, что могила Тэмоджина находится в стороне от реки Лугоу. Горы и речки окружают [ее]. Передают, что Тэмоджин родился здесь и поэтому после смерти здесь и похоронили [его]. Не знаю, действительно ли [так]”.

Далее следует примечание Н.Ц.Мункуева: “В [параграфе] «Ли-дай сун-чжун чжи ли» («Церемо-

ния проводов скончавшихся разных эпох») «Цао му цзы» [сказано]: «При династии Юань во дворце выдалбливали в двух болванках дерева выемки, соответствующие по размерам фигуре человека, делали гроб путем соединения [их], клали в него покойника и покрывали красным лаком. По окончании делали три обруча из золота. Укрепив обручи, отправляли [гроб] прямо на север в место нахождения императорских кладбищ (*юань-цинъ*) и глубоко закапывали его. Тогда вытаптывали и ровняли [могилу] с помощью десяти тысяч лошадей. Только после появления травы [на могиле] отменяли строгости [мер по сохранению тайны о местонахождении]. К тому времени [могила] уже сливалась с [лежавшим вокруг] ровным склоном. Невозможно более исследовать и записать [ее] следы» (Мункуев Н.Ц., 1970, с.828).

Инновацией, привнесенной монголами в погребальный обряд, был тайный характер захоронений, что вполне объяснимо. В завоеванных областях монголы были численно небольшой корпоративной группой, державшей в своих руках военно-административное управление. Считается, что в кочевом мире практика осквернения и разрушения чужих могил, равно как и могил политических противников, преследовала, в первую очередь, магические цели. С.В.Дмитриев справедливо полагает, что уничтожение захоронений и костяков предков противника следует рассматривать как акт насилия над социально-политическим организмом, состоящим из предков и потомков (Дмитриев С.В., 2001). Актом насилия умалялась совокупная сила правящего рода, копившаяся на протяжении ряда поколений. Факт уничтожения кладбищ являлся внешним признаком упадка силы противоборствующей группы и освоения реального политического и географического пространства новой династией. В этой перспективе обретает особое звучание тема тайных захоронений монгольской знати, и находит свое объяснение требование транспортировать тела погибшей знати для захоронения в Монголии. Речь идет о защите совокупной социально-политической силы от ритуально-магического насилия.

О значимости этой практики свидетельствуют южносунские послы Пэн Да-я и Сюй Тин, приезжавшие ко двору хана Угедея: “Что касается тех, которые умирают, следуя с войсками, то срочно везут их трупы домой. В противном случае опустошают их торбу и хоронят их. [Я, Сюй] Тин, видел, что когда у них кто-либо умирает в войсках, если раб сам сумеет срочно привезти труп своего хозяина домой, то отдают ему только скот; если же доставляет его другой человек, то [он] полностью получает его жен, рабов, скот и имущество” (Мункуев Н.Ц., 1970, с.828).

Тайные погребения монголов следует рассматривать как имперский феномен, как сакральную практику группы, занятой экспансией на огромных территориях. Зачастую умерших приходилось оставлять в чужой земле и двигаться дальше. По степени надежности ритуал сокрытия могил выступает своего рода эквивалентом захоронения в родовом *куруже*. Тайные погребения это вовсе не этнографическая черта монгольского кочевого быта. С прекращением имперской экспансии в западном направлении, после смерти Мунке (1259 г), монгольские погребения в Дешт-и Кыпчаке к кон. XIII в. совершаются с курганными насыпями. Это означает, что места захоронений осознавались как своя территория, надежно охраняемая от осквернения. Закрытые ранее от чужих глаз ритуалы больше не являются секретом. Католический миссионер Рикольдо де Монте Кроче, странствовавший по землям иль-ханов в самом кон. XIII в., без труда выяснил многие подробности погребальных обрядов монголов. Более того, эта тема была предметом теологических споров между христианами и мусульманами (см. текст и перевод в Приложении).

В таком случае снимается острота противоречия за мнимостью проблемы, сформулированной в свое время Л.П.Зяблиным: “Курганный обряд погребений был чужд татаро-монголам. <...> В курганах поздних кочевников мы не имеем оснований видеть могилы татаро-монголов, завоевателей степей. Ни о каких «татарских курганах» речи быть не может. Это курганы тюркоязычных народов, как живших в наших европейских степях до татаро-монголов, так и пришедших, возможно, с ними в момент завоевания” (Зяблин Л.П., 1955, с.96). Г.А.Федоров-Давыдов полностью поддержал эту точку зрения: “Л.П.Зяблин отметил, что подчеркнутая Карпини и другими авторами секретность места погребений не позволяет видеть в курганах погребения собственно монголов. <...> В Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.156-157). В обоих случаях наблюдается путаница категорий, ибо смешивается этническое и имперское. После обнаружения захоронения высокопоставленного нойона в курганном могильнике “Олень-Колодезь” в Каширском р-не Воронежской обл. (Ефимов К.Ю., 2000) вопрос о курганных погребениях монголов снимается.

Киракос Гандзакечи, как и информаторы францисканцев, выделяет категорию знатных умерших.

По его сведениям, богатых монголов хоронили с оружием, сокровищами и прочим имуществом, тогда как вместе со знатными погребали еще и слуг, и служанок. “А когда кто-либо из них умирал или если убивали кого, то, бывало, много дней подряд возили [его труп] с собой, поскольку, [как им казалось], бес, вселившийся в него, говорил вздор и долго бормотал⁹. Бывало, что [труп] сжигали, чаще же хоронили в землю, в глубокой яме, и вместе с ним складывали оружие его, и одежду, золото, серебро, и всю его долю [имущества]. А если это был кто-либо из знати, зарывали вместе с ним в могилу слуг и служанок его, как говорили они, для прислуживания ему. [Зарывали вместе с ним] и коней тоже, ибо, говорили они, там происходят жестокие сражения” (Киракос Гандзакечи, 1976, § 32).

Лица, принадлежавшие к монгольской знати, имели привилегию в случае смерти быть погребенными вместе с одним из рабов. Так понимал эту ситуацию Винцент из Бове, обозначив категорию знатных лиц как “великих баронов”; по его мнению, они перед смертью выбирают одного из своих рабов, которого помечают каким-то знаком, и когда они умрут, то раба живым укладывают с ними в могилу.

Любимый раб покойного, пройдя трехдневные испытания и оставшись в живых, обретал новый статус. Он становился свободным и могущественным. Последнее обстоятельство требует объяснения. Сведения, полученные францисканцами, следует сопоставить с одним из положений Ясы в передаче Джувейни: “А еще такой у них порядок, что коль умрет чиновник либо простолюдин, что после него останется, много ли, мало ли, – оценки не делают и никто не вмешивается. Коль не было у покойного наследника, дают [имущество] его ученику либо гуляму [рабу] и ни под каким видом добро умершего не берут в казну, и считают это неподобным” (Вернадский Г.В., 1939, с.50). Можно предположить, что раб по смерти хозяина получал значительную долю его имущества, становясь равноправным членом его рода. Иными словами, имущество не выходило за пределы рода, а лишь поручалось бывшему рабу.

Обычай трижды подкладывать под знатного покойника любимого раба, возможно, объясняется представлениями о нечетном числе как мужском (и четном – женском), которые фигурировали в период траура по умершему у большинства народов Азии (Иванов С.В., 1987, с.56; Roux J.-P., 1963, с.181-182). Числовые комплексы, состоящие из 3 и 4, яв-

⁹ Как уже отметил Дж.Э.Бойл, исправляя ошибку французского перевода “Истории Армении” Киракоса Гандзакечи, речь идет не о теле, а о костях умершего военачальника Чармагуна (Boyle J.A., 1963, с.203-204, прим.30). Выше Киракос пишет о том, что “хакан велел, даже если (Чармагун) умрет, кости его возить вместе с войском, так как муж тот был очень удачливый и даровитый” (Киракос Гандзакечи, 1976, § 29).

ляются абсолютно преобладающими в числовой символике мифа и ритуала (Сыркин А.Я., Топоров В.Н., 1968, с.109). У халхасцев, как повсеместно на западе Монголии, человек, который должен прикоснуться к покойнику, входя в юрту, свистит трижды (Тангад Д., 1992, с.128). У тюрков и монголов существовал обычай трехкратного обхода с чашей молока против солнца вокруг лошади с покойным, восклицая при этом “куруй, куруй” (монг. *хуруй*) – “да не уйдет вместе с ним наше счастье” (Катанов Н.Ф., 1894, с.117). Три и трижды девять вещей – магические числа, часто встречающиеся в шаманском ритуале (Потанин Г.Н., 1883, с.140; Семенов Вл.А., 1994, с.135-142).

Ханские захоронения

Сведения о ханских захоронениях из отчета брата Бенедикта искажены при их сокращении братом Ц. де Бридиа. Так появилось утверждение, что одно из кладбищ предназначено для простых людей. На самом деле, наличие двух кладбищ определялось конфликтом между потомками Чингис-хана. По сведениям Рашид-ад-дина, Джучи, Чагатай, Угедей и их сыновья погребены в одной местности, а Чингис-хан, Тулуй и его потомки – в другой (Рашид-ад-дин, 1952, с.233-235).

Брат Ц. де Бридиа пишет со слов Бенедикта следующее: “Кроме того, они имеют в своей земле два кладбища: одно – для простых [людей], другое – для императоров, вождей и знати. И они прилагают все усилия к тому, чтобы похоронить на этом кладбище всю знать, принявшую смерть на чужбине, как это было в Венгрии. Если кто-либо, за исключением зрителей, приблизится к этому кладбищу, то к нему относятся со всяческим злом, поэтому наши братья, которые, не зная [об этом запрете], вошли [на территорию кладбища], были бы оскорблены жестоко, если бы они не являлись посланцами великого папы, которого тартары называют *юл-боба*, то есть «великий папа»” (Христианский мир ..., 2002, § 47).

Сведения о двух кладбищах в донесении брата Иоанна переданы более точно: “В их земле есть два кладбища. Одно – то, на котором хоронят императоров, князей и всех знатных людей, причем, где бы они ни умерли, их привозят туда, если это можно сделать надлежащим образом. А с ними погребают много золота и серебра. Другое [кладбище] – то, на котором погребены те, кто был убит в Венгрии; ведь многие были убиты именно там. К

этим кладбищам никто не смеет подходить, кроме сторожей, которые назначены сторожить именно там. А если кто-нибудь подойдет, то его хватают, раздевают, бичуют и подвергают очень плохому обращению. Поэтому, [когда] мы сами по незнанию вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и [сторожа] застигли нас там, имея намерение расстрелять [нас] из луков, но, поскольку мы были посланцами, и не знали обычаев [этой] земли, нам позволили свободно уйти” (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, III. 14).

О том, что великих государей, потомков Чингис-хана, хоронят в большой горе Алтай, и привозят их туда, даже если они умерли за сто дней пути от горы, сообщает Марко Поло. Однако подробности погребального обряда великих ханов современникам остались неизвестными, за исключением рассказа Вассафа о погребении Хулагу в 1265 г; с ним будто бы положили в могилу много золота и драгоценных камней; с ханом опустили в могилу несколько красивых девушек в нарядных одеждах и драгоценностях (Бартольд В.В., 1966, с.385).

Относительно ханских захоронений в нач. XIV в. официальным историкам империи было известно лишь следующее: “У монгольских государей из рода Чингис-хана до настоящего времени водится такой обряд и обычай, что могилы их находятся в неизвестном месте, вдали от населенных и возделанных земель, так что ни одна душа о них не знает. Окрестности их объявляют запретным местом и препоручают верным людям, чтобы они близко к ним никого не подпускали” (Рашид-ад-дин, 1946, с.228). По мнению Дж.Э.Бойла, разноречивость сообщений источников о месте погребения Чингис-хана и его потомков имеет искусственный характер: ложные места погребения указывались намеренно, чтобы скрыть подлинные (Boyle J.A., 1970, с.45-50).

В 1329 г брат Иордан де Северак писал об обычаях монгольской знати в Персии: “Знатных господ хоронят вместе с конем и с одним или двумя слугами из числа самых любимых, а слуг этих в час похорон убивают”¹⁰; о погребении же монгольского правителя брату Иордану де Севераку известно следующее: “когда умирает император, тело его, а также бесценные сокровища, назначенные на то, люди уносят в некое место, оставляют его там и затем убегают во всю прыть, как будто за ними гонится сам дьявол. Потом туда приходят другие люди, и они тотчас же хватают тело и переносят его в другое место таким же образом; затем являются новые

¹⁰ Ср. с обычаями чжурчжэней XI в.: “Во время похорон знатных лиц вместе с ними заживо хоронят любимых слуг и оседланных лошадей, принося их в жертву. Употребляемые при жертвоприношении питье и пища сжигаются без остатка” (Кычанов Е.И., 1966, с.275).

люди, и все начинается сызнова, и так ведется до тех пор, пока не доставят тело в то место, где его должно похоронить. А делается все это потому, что место, где похоронен император, и все достояние его сокровенны и никто не должен знать про них” (После Марко Поло ..., 1968, с.154). У монголов обычай немедленного ухода без оглядки с места жертвоприношения наиболее четко прослеживается в жертвоприношении предкам и в погребальных обрядах. В манускрипте, датированном кон.ХVI в., содержатся правила проведения церемонии в честь Чингиса непосредственно каганом. В частности, там совершенно четко установлено, что каган после окончания церемонии должен быстро возвращаться верхом, не оглядываясь на двойной шатер Чингиса, в котором проводилась церемония (Кьодо Э., 1993, с.101).

Единственное свидетельство о подробностях захоронения особо знатного лица принадлежит персидскому автору Джузджани, однако источники его не известны. Следует также учесть, что Джузджани писал, находясь в Индии, но достоверность передаваемых им сведений сомнений не вызывает. Он сообщает, что Бату “похоронили по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен, и слуг его, да [того] человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места [погребения]. Этот обычай их известен всем народам мусульманским” (Сборник материалов ..., 1941, с.16).

На первый взгляд, сведения Джузджани совпадают с описанием захоронения “более важных лиц”, тогда как Бату принадлежал к высшей знати. Существенным обстоятельством в обряде погребения

Бату, на мой взгляд, является сопребение, кроме “любимого раба”, слуг и жен. О том, что это было привилегией ханских похорон (а Бату не был ханом), имеется косвенное свидетельство Рашид-ад-дина. Когда Угедей вззошел на престол, он “приказал, согласно их обычаю и правилу, последующие три дня раздавать пищу ради души Чингисхана. Выбрали сорок красивых девушек из родов и семей находившихся при нем эмиров и в дорогих одеждах, украшенных золотом и драгоценными камнями, вместе с отборными конями принесли в жертву его духу” (Рашид-ад-дин, 1960, с.19).

Заключение

В донесения францисканской миссии 1245 г вошли детальные описания погребального обряда младших и старших офицеров монгольской армии. Эти сведения получены францисканцами от лиц, непосредственно участвовавших в похоронах. Сведения о ханских захоронениях являлись государственной тайной, и, скорее всего, именно по этой причине они не были известны информаторам францисканцев.

Папских посланников интересовала не этнографическая реальность кочевого быта, а тайны Монгольской империи. Поэтому совсем не важно, что они увидели своими глазами, важно то, что они услышали от тех, кто знал эти тайны, и кого брат Иоанн именует людьми, достойными доверия. Участников миссии интересовал механизм функционирования власти (лидеры, принятие решений, исполняемость приказов, наказание за проступки; сокрытие военных тайн); ресурсы империи, откуда интерес к обыденной реальности кочевого быта; организация и мобильность армий; идеология и верования. Офицерский корпус был наиболее активной и заметной частью военно-административной системы управления в империи. На представителей этой группы и обращено самое пристальное внимание западными дипломатами.

Приложение

Иоанн де Плано Карпини. Книга о Таргарах

Латинский текст по изданию: Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Edizione critica del testo latino a cura di E.Menestò; traduzione italiana a cura di M.C.Lungarotti e note di P.Daffinà; introduzione di L.Petech; studi storico-filologici di C.Leonardi, M.C.Lungarotti, E.Menestò. Spoleto, 1989. Перевод С.В.Аксенова.

Ioannes de Plano Carpini. Liber Tartarorum

[Cap. III:] De cultu, de hiis que credunt esse peccata, de diuinationibus et purgationibus, et ritu funeris

[11] Quando aliquis eorum infirmatur ad mortem, ponitur una hasta et circa illam filtrum circumuoluitur nigrum, et ex tunc nullus audet alienus terminos stationum eius intrare. Et, quando incipit agonizare, quasi

omnes recedunt ab eo, quoniam nullus de hiis qui morti eius assistunt potest ordam alicuius ducis uel imperatoris usque ad nouam lunationem intrare.

[12] Cum autem mortuus est, si est de minoribus, sepelitur occulte in campo, ubi placuerit eis. Sepelitur autem cum una de stationibus suis sedendo in medio eius, et ponunt mensam ante eum, et alueolum carni- bus plenum et ciphum lactis iumentini. Sepelitur autem cum eo unum iumentum cum pullo et equus cum freno et sella, et alium equum comedunt, et stramine corium implent, et super duo ligna uel quatuor altius ponunt, ut habeat in alio mundo stationem ubi moretur et iumentum de quo habeat lac et possit sibi etiam equos multiplicare, et equos in quibus ualeat equitare. Et ossa illius equi quem comedunt pro anima eius comburunt. (Et sepe etiam conueniunt mulieres ad comburendum ossa pro animabus hominum, ut nostris uidimus oculis et ab aliis intelleximus ibidem. Vidimus etiam, quod Occodaican, pater istius Imperatoris, dimisit unum uirgultum crescere pro anima sua. Vnde precepit, quod nullus incideret ibi et, quicumque incidit ibi aliquam uirgam, ut ipsi uidimus, uerberatur, expoliatur et male tractatur. Et, cum nos multum indigeremus ad equum precutiendum, non fuimus ibi ausi incidere unam uirgam). Aurum et argentum sepeliunt eodem modo cum ipso; currus in quo ducitur frangitur [et statio sua destruitur], nec nomen proprium eius usque ad tertiam generationem audet aliquis nominare.

[13] Alius est etiam modus sepeliendi quosdam maiores. Vadunt in campo occulte et ibi gramina remouent cum radicibus, et faciunt foueam magnam, et in latere illius fouee faciunt unam foueam sub terra, et illum seruum quem habet dilectum ponunt sub eo, qui iacet tam diu sub ipso, quod incipit quasi agonizare, et deinde extrahunt eum, ut ualeat respirare, et sic faciunt ter; et, si euadit, est postea liber et facit quicquid placuerit ei, et est magnus in statione ac inter parentes illius. Mortuum autem ponunt in fouea que est in latere facta cum hiis que superius dicta sunt. Deinde replent foueam que est ante foueam suam et desuper gramina ponunt, ut fuerant prius, ad hoc, ne locus ulterius ualeat inueniri. Alia etiam faciunt, ut superius dictum est, sed tentorium suum exterius relinquunt in campo.

[14] In terra eorum sunt cimiteria duo. Unum – in quo sepeliuntur imperatores, duces et nobiles omnes, et, ubicumque moriuntur, si congrue fieri potest, illuc deferuntur. Sepelitur autem cum eis aurum et argentum multum. Aliud est in quo sepulti sunt illi qui in Hungaria interfecti fuerunt; multi enim ibidem occisi fuerunt. Ad illa cimiteria nullus audet accedere preter custodes qui ad custodiendum positi sunt ibidem. Et, si aliquis accesserit, capitur, expoliatur, uerberatur et ualde male tractatur. Vnde nos ipsi inscienter intraui-

nus terminos cimiterii eorum qui in Hungaria fuerunt occisi, et uenerunt super nos sagittare uolentes. Sed, quia eramus nuncii et nesciebamus consuetudinem terre, nos liberos dimiserunt abire.

[15] Parentes autem et omnes alios qui morantur in stationibus suis oportet purificari per ignem, que purificatio fit hoc modo: faciunt duos ignes et duas hastas ponunt iuxta ignes, et unam cordam in summitate hastarum, et ligant super cordam illam quasdam scissuras de bucarano; sub qua corda et ligaturis inter illos duos ignes transeunt homines, bestie ac stationes. Et sunt due mulieres, una hinc et alia inde, aquam proicientes et quedam carmina recitantes. Et, si aliqui currus ibi franguntur, uel etiam res ibidem alique cadunt, incantatores accipiunt. Et, si aliquis occiditur a tonitruo, omnes illos homines qui morantur in stationibus illis oportet predicto modo per ignes transire; statio, lectus, currus, filtra et uestes, et, quicquid talium habuit, a nullo tanguntur, sed tamquam immunda ab omnibus respuuntur.

[Гл. III:] О богопочитании, и о том, что они считают грехами, о предсказаниях и очищениях, и погребальном обряде

[§ 11] Когда кто-нибудь из них смертельно заболевает, ставится шест, вокруг которого обматывают черный войлок. И после этого из чужих никто не смеет войти в пределы их стойбища. И когда начинается агония, почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не сможет войти в орду какого-нибудь князя, а также императора до наступления новой луны.

[§ 12] Когда же он умер, в том случае, если он из меньших чинов, его тайно хоронят в степи там, где им понравится. И хоронят его со всей его юртой, с ним в центре, и посредине перед ним ставят стол и блюдо, полное мяса, и чашу кобыльего молока. И хоронят вместе с ним одну кобылицу с жеребенком и коня с уздой и седлом, а другого коня съедают, а шкуру его наполняют соломой, и устанавливают его либо на двух палках, либо, иначе, на четырех, [а делают это] для того, чтобы в другом мире он имел то пристанище, в котором он умер, и для того, чтобы от кобылиц он получал молоко и смог бы для себя также приумножить количество лошадей, а также скакунов, которых он мог бы оседлать. И кости той лошади, которую они съели, они сжигают во спасение души. (Как мы видели своими глазами, и как мы узнали от других, зачастую также женщины по некому соглашению, договорившись, сжигают кости во спасение душ человеческих. Видели мы также, что Оккодай-кан, отец нынешнего императора, позволил одному кусту расти во спасе-

ние души умершего. При этом он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто-то срежет там какую-нибудь веточку, то, как мы сами видели, он должен подвергнуться бичеванию, вразумлению и плохому обращению. И, когда нам очень нужна была [ветка], чтобы погонять коней, мы не решились срезать там ни единой ветки). Золото и серебро погребают вместе с ним таким же образом, повозку, в которой его везут, ломают, [и жилище его разрушают], и никто не смеет называть его личное имя вплоть до [прихода] третьего поколения.

[§ 13] Существует также другой способ хоронить некоторых более важных лиц. Идут тайком в степь и там снимают траву с корнями, и вырывают большую яму, а в стене этой ямы делают [еще] одну яму под землей. И кладут под него того раба, который был его любимцем, [и] тот лежит под ним столь долго, что начинает почти агонизировать; затем его вытаскивают, чтобы он мог подышать, и делают так трижды; и, если он спасется, то после этого он свободен, и делает то, что ему будет угодно, и [отныне] является большим человеком в [своем] жилище, а также в его роду. А [знатного] мертвого кладут в яму, сделанную в стене, с теми вещами, которые названы выше. Затем заполняют ту яму, которая находится перед его ямой, и кладут сверху траву [так], как было прежде, с тем чтобы в дальнейшем [это] место не могло быть найдено. Прочие действия они совершают так, как сказано выше, но шатер его оставляют в степи, в стороне [от стойбища].

[§ 14] В их земле есть два кладбища. Одно – [то], на котором хоронят императоров, князей и всех знатных людей, причем, где бы они ни умерли, их привозят туда, если [это] можно сделать надлежащим образом. А с ними погребают много золота и серебра. Другое [кладбище] – [то,] на котором погребены те, кто был убит в Венгрии; ведь многие были убиты именно там. К этим кладбищам никто не смеет подходить кроме сторожей, которые назначены сторожить именно там. А если кто-нибудь подойдет, то его хватают, раздевают, бичуют и подвергают очень плохому обращению. Поэтому, [когда] мы сами по незнанию вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и [сторожа] застigli нас там, имея намерение расстрелять [нас] из луков, но, поскольку мы были послами, и не знали обычаев [этой] земли, нам позволили свободно уйти.

[§ 15] Если родственники и иже с ними умирают в своих стойбищах, то другие [родственники] должны очиститься огнем. Очищение происходит

следующим образом: раскладывают два костра и ставят два шеста возле костров. Между шестами наверху веревка и на эту веревку привязывают несколько обрезков букарана. Под этой веревкой и под тем, что привязано на ней, между огней проходят люди и скот со скарбом. Есть две женщины, одна с этой стороны, другая – с той, разбрызгивающие воду и причитающие. И если какая-нибудь повозка сломается или же с нее упадут какие-либо вещи, то причитательницы их забирают. А если же кто-либо погибает от грома, то им [монгалам] надлежит вышеописанным образом всех тех людей, которые умерли в стойбищах, провести через огонь. Никто не должен дотрагиваться до юрты, ложа, повозки, войлочных одеял и одежды и всего того, что имел умерший, ибо все это отвергается как нечистое.

Ц. де Бридиа. История Тартар

Текст и перевод по изданию: Христианский мир и “Великая Монгольская империя”. Материалы францисканской миссии 1245 года. “История Тартар” брата Ц. де Бридиа/ Критический текст, перевод с латыни С.В.Аксенова и А.Г.Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А.Г.Юрченко. СПб., 2002.

Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia (§§ 44-48)

[§ 44] *Cum aliquis inter eos infirmatur grauitur, hasta nouem cubitorum circumdata filtro nigro erigitur circa stacionem eius, et extunc nullus alienus audet intrare terminos illarum stacionum. Cum autem agonizare ceperit, raro aliquis apud eum remanet, quia nullus posset qui morti interesse[t] ordan ducis alicuius aut imperatoris introire, nisi prius nona¹¹ lunacio inchoaretur.*

[§ 45] *Quod si diues moritur, occulte in campo sepellitur cum stacione sua sedendo in ea et cum aluelo pleno carnibus et cifo lactis iumentu[ni]. Sepellitur eciam cum eo iumentum cum pullo, equus cum freno et sella, arcus cum pharetra et sagitis. Vnum autem equum commedunt amici et coreum eius repleto feno eleuatur super ligna. Credunt quod hijs omnibus indigeat in futuro, iumento scilicet ad lactandum, equo ad equitandum, et sic de alijs. Simili modo ponitur aurum et argentum.*

[§ 46] *Quosdam eciam maiores sic sepellunt: Vnam occultam foueam in campo faciunt, cuius orisum est quadrum et satis paruum, interius autem ad*

¹¹ Очевидная ошибка переписчика рукописи. По мнению издателей, “девятый месяц” следует заменить на “новый месяц”, ср. у брата Иоанна: *ad nouam lunationem* (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, III. 11).

utramque partem dilatatur, et aliam faciunt prope stationes publice et aperte, in quam se mortuum simulant sepelire. Seruum uero, quem pre ceteris dilexit in uita, ponunt sub corpus mortui sepulcro aperto remanente; qui si tercio sub eo agonizando surrexerit, liber erit et in tota parentela illa honorabilis atque potens. Post hoc sepulcrum operientes iumenta seu pecora e[x]ci[t]ant per noctem desuper locum, ut planato loco non possit ab extraneis thesaurus cum eo positus inueniri. Quandoque eciam prius reposita gramina supponunt.

[§ 47] Duo preterea cimiteria habent in terra propria, vnum simplicium, aliud imperatorum, ducum et nobilium, et si quo modo fieri potest, de omnibus terris in quibus occiduntur ad istud mortui nobiles redduntur, sicut de hijs factum fuit qui in Vngaria fuerunt interfecti. Si quis ad hoc cimiterium accesserit exceptis custodibus male multimodis pertractatur. Vnde et fratres nostros, qui ignoranter intrauerant, offendissent grauitur, quin fuissent nuncij magni pape, quem vocant Tartari ‘yul boba’, id est ‘magnus papa’.

[§ 48] Mortuo autem aliquo oportet purificari omnia que ad eius pertinent stacioni. Preparantur itaque duo ignes, iuxta quos eriguntur in directum due haste [in directum], in cacumine colligate zona, habente in se quasdam scissuras de bukerano alligatas. Sub hac zona inter hastas et ignes oportet transire homines, bestias et stacionem. Due autem incantatrices stant hinc atque inde aquam proicientes et carmina recitantes. Quod si currus transeundo frangitur seu [t]res alique ceciderint, mox eas incantatrices accipiunt ipso iure. Similiter si quis a tonitruo percussus moritur, omnia que habuit contempnuntur ab hominibus, quousque dicto modo fuerint expurgata.

[§ 44] Когда кто-нибудь среди них серьезно заболевает, то около его юрты воздвигается шест [длинной] девять локтей, обмотанный черным войлоком, и с этих пор никто чужой не осмеливается войти в [обозначенные таким образом] границы стойбища. Когда же [у умирающего] начиналась агония, редко кто-нибудь остается возле него, потому что никто [из] тех, кто присутствовал при смерти не смог бы войти в орду какого-либо вождя и [тем более] императора до начала нового лунного месяца.

[§ 45] Если умирает богатый, его хоронят тайно в поле вместе с его юртой, сидящим в ней, и вместе с [деревянным] корытцем, полным мяса, и чашей кобыльего молока. Также с ним хоронят кобылицу с жеребенком, коня с уздой и седлом, лук с колчаном и стрелами. Одного же коня съедают друзья и шкура его, наполненная сеном, поднимается на деревянных опорах. Они верят, что в будущей

[жизни умерший] будет нуждаться во всем этом, а именно, в кобылице для получения молока, в коне, для того, чтобы ездить, и также в другом [из того, что положено с ним]. Подобным же образом кладут золото и серебро.

[§ 46] Некоторых более важных хоронят так: выкапывают тайно в поле яму, края которой квадратны и достаточно малы, а внутри с обеих сторон [яму] расширяют, а другую [яму], в которой они имитируют похороны [умершего], роют рядом со стойбищем публично и открыто. Раба же, которого [умерший] при жизни ценил сверх остальных, кладут под мертвое тело, оставляя могилу открытой. Если [раб] на третий день из под него в муках поднимался, то он становился свободным и во всем этом роду [т.е., роду умершего] уважаемым и могущественным. После этого, зарыв [истинную] могилу, они в течении ночи над [этим] местом гоняют кобылиц или овец, чтобы выровнять место, дабы чужеземцы не смогли найти сокровища, положенные вместе с ним [умершим]. Иногда также они укладывают сверху ранее снятую [с этого места] траву.

[§ 47] Кроме того, они имеют в своей земле два кладбища: одно – для простых [людей], другое – для императоров, вождей и знати. И они прилагают все усилия к тому, чтобы похоронить на этом кладбище всю знать, принявшую смерть на чужбине, как это было в Венгрии. Если кто-либо, за исключением смотрителей, приблизится к этому кладбищу, то к нему относятся со всяческим злом, поэтому наши братья, которые, не зная [об этом запрете], вошли [на территорию кладбища], были бы оскорблены жестоко, если бы они не являлись послами великого папы, которого тартары называют *юл-боба*, то есть “великий папа”.

[§ 48] А после того, как кто-либо умер, то необходимо очистить все, что относится к его стойбищу. Поэтому разводят два костра, рядом с которыми вертикально воздвигаются два шеста, на верхушке связанные поясом, к которому прикрепляются несколько кусков букерана. Под этим поясом между шестами и кострами надлежит пройти людям, животным и провести юрту. Как с той, так и с другой стороны [шестов], стоят две заклинательницы, которые брызгают водой и произносят заклинания. А если же повозка, проезжая [между огней] сломается, или если какие-либо вещи [с нее] упадут, то заклинательницы сразу же берут их по своему праву. Сходным образом, если кто-либо умирает, пораженный громом, то все, что он имел, всячески отвергается всеми [как нечистое] до тех пор, пока не будет очищено упомянутым образом.

Латинский текст по изданию: Simon de Saint-Quentin. *Histoire des Tartares*/ Publiée par J.Richard. Paris, 1965. Перевод А.Г.Юрченко.

Vincencius Bellovacensis. *Speculum historiale*
Cap. XXX. § 86. De morte ac sepultura eorum

<Cum aliquis eorum ad mortem infirmatur, hasta una in ejus stacione erigitur et circa illam filtrum nigrum circumvolvitur; extunc nullus audet intrare terminos stacionis illius. Cumque fuerit mortuus, si de minoribus est, occulte in campis sepelitur cum uno tentorio suo sedendo in medio ejus, ponuntque mensam ante illum et alveolum carnibus plenum et lactis jumentini ciphum. Sepelitur eciam cum eo jumentum unum cum pullo et equus cum sella et freno; alium autem comedunt et cum stramine corium ejus implentes super duo ligna vel quatuor in alto ponunt, que omnia faciunt pro mortuo, ut habeat tentorium et eciam jumentum in alio mundo, de quo scilicet jumento lac habere possit, et equos sibi multiplicare in quibus tunc valeat equitare, ossaque illius equi quem comedunt pro anima ejus comburunt. Unde conveniunt mulieres ad ossa comburenda pro animabus ipsorum mortuorum>¹².

Si vero dives et magnus homo fuerit Tartarus qui moritur, cum habitu preciosissimo sepelitur, ac remotius ab omnibus in abscondito loco ne habitu suo spoliatur. Amici quoque ipsius equum ejus a capite incipientes usque ad caudam excoriant et corrigiam inde latitudinis parve primo secundum longitudinem illam excindunt, deinde totam equi pellem extrahentes palea implent et in memoriali mortui habendo contum per equi fundamentum usque ad collum figunt ipsumque hinc et inde supra duas furcas elevatum suspendunt. Porro carnes equi quasi pro anime illius suffragio, ut dictum est, comedunt, et planctum super mortuo, quidam per .xxx. dies, quidam plus, quidam minus, faciunt. Magni quoque barones, ut dictum est, antequam moriantur unum sibi de sclavis suis eligunt quem signo quodam suo signantes, quando moriuntur vivum poni secum in tumulto suo faciunt. Sunt et alii Tartari, quidam inter alios christiani quidem, sed pessimi, quorum filii cum patres suos senescere vident ac tedio senectutis aggravari, dant eis comedere pingua quedam, ut caudas arietum et hujusmodi, quibus oppressi de facili valeant suffocari; cumque sic mortui fuerint, corpora eorum comburunt ac pulverem eorum colligentes quasi preciosum quiddam custodiunt, indeque quotidie quando comedunt cibaria sua ex hoc pulvere spargunt.

<Когда кто-нибудь из них заболевает, выставляют шест и обвивают его черным войлоком; и с тех пор никто чужой не смеет вступить в пределы его стойбища. Когда же он умирает, то, если он из меньших чинов, его хоронят тайно в поле с его юртой, сидящим посреди нее, и перед ним ставят стол, и блюдо, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком. Также вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с седлом и уздечкой; а другого коня съедают и, набив его шкуру соломой, ставят повыше на двух или четырех палках, и все это делают для мертвого, чтобы у него были стойбище и кобылица в ином мире, дабы он мог получать от кобылицы молоко и разводить коней, и ездить на них, куда хочет. А кости съеденного коня сжигают во спасение души. Также женщины собираются для сожжения костей во спасение душ умерших>.

Если же умрет кто-либо из богатых и важных тартар, то его хоронят в роскошных одеждах и в удалении от всех в тайном месте, чтобы его наряды не похитили. И друзья его разделяют коня начиная с головы и до хвоста, и вырезают ремень небольшой ширины от холки и по всей длине (конского трупа), а затем, сняв всю шкуру, наполняют ее мякиной в память об умершем, используя копые в качестве конской спинной хребтины, и наконец, подвешивают ее, расправив на двух рогатинах. Мясо же конское съедают после, как было сказано, за помин его души и устраивают по умершему плач в течение 30, а иногда и более, но бывает, что и менее, дней. Особо же знатные, как было сказано, перед смертью выбирают себе одного из своих рабов, которого помечают неким своим знаком, а когда они умирают, то раба живым укладывают с ним в могилу. Есть также и другие, однако весьма жестокие тартары, среди которых встречаются и христиане. У них принято, что когда сын увидит, что его отец стал старым и голова у того отяжелела, то дает ему в пищу некие жиры, вроде бараньих хвостов и им подобного, которые столь жестки, что ими легко можно подавиться. Когда же старик от этого умирает, тело его сжигают, а прах собирают и хранят, словно сокровище, а затем ежедневно, когда садятся есть, посыпают этим пеплом свою пищу.

Рикольдо де Монте Кроче

Латинский текст по изданию: *Peregrinatores medii aevi quatuor*. Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odoricus de Foro Julii, Wilbrandus

¹² Пересказ сведений Иоанна де Пано Карпини (Giovanni di Pian di Carpine, 1989, III. 11-13).

de Oldenborg/ Quorum duos nunc primum edidit duos ad fidem librorum manuscriptorum recensuit J.C.M. Laurent. Lipsiae, 1864. Перевод С.В.Аксенова.

Cap. X. De errore Tartarorum

Tartari enim credunt et expectant quandam resurrectionem fatuam ad istam eandem vitam, et ideo suis mortuis prouident vnusquisque secundum facultatem suam. Nam pauperes coquunt multas carnes et sepeliunt cum mortuo, circumdantes eum vndique carnibus coctis et eciam vestibus nouis preter vestes, quibus induitur mortuus. Es eciam dant ei aliquam pecuniam. Diuites vero carnibus et pecunie addunt eciam mutatorias vestes, et ponunt sub capite mortui vel mortue vestem speciosam et preciosam inuolutam, et dicunt ei: “Si veniret aliquis, et vellet tibi auferre de dorso, non permittas, sed da ei istam, que est sub capite. Et si aliquis tibi faceret questionem de Deo, obserua bene, quod nichil respondeas, sed dicas solum: «Scio, quod Deus est Deus»”¹³. Et ita sepeliunt eum.

Magni eciam barones omnibus hiis addunt equum bonum. Nam armiger eius ascendit equum, cum ipsi parant se ad sepeliendum mortuum, et fatigat equum currendo et reuoluendo vsque ad lassitudinem, et postea lauit equo caput cum vino puro et forti, et equus cadit, et ipse exenterat eum et euacuat omnia de ventre equi, et implet herba viridi, et postea infigit palum magnum per posteriora, et facit palum exire vsque ad os, et ita dimittit equum impalatum, et suspendit eum et mandat ei, quod sit paratus, quandocumque vlt dominus surgere, et tunc cooperiunt mortuum in sepultura.

Cum vero moritur imperator, adduntur predictis omnes lapides preciosi et eciam magni thesauri. Et consueuerunt eciam sepelire cum domino mortuo vsque viginti seruos viuos, vt essent parati seruire domino, cum voluerit surgere, sed postquam conuersati sunt cum Christianis, Christiani hoc facinus horrentes reprehenderunt, dicentes: “Non est licitum, vt viuos sepeliatur cum mortuo”. Vnde dimiserunt de seruis solum. Ipsi vero Tartari multum murmurant contra Christianos, et dicunt eos esse homines crudeles et auaros, quia suis mortuis non prouident in expensis, nec in cibo et vestibus. Nam, vt dictum est, Tartari expectant quandam resurrectionem fatuam ad istam et eandem vitam corruptibilem, et quando possunt suos mortuos sepelire apud ecclesias et in cimiteriis Christianorum, multo precio emunt sepulturam ab episcopis. Posicio autem Tartarorum de resurrectione valde similis et propinqua est errori Sarracenorum et Iudeorum, quam expectant, de qua infra dicetur, cum agetur de Sarracenis. Et sciendum, quod Tartari quosdam homines super omnes de

mundo honorant: boxitas, scilicet quosdam pontifices ydolorum. Et sunt indiani homines, valde sapientes et bene ordinati et valde graues in moribus.

Глава X. О заблуждениях тартар

Тартары же верят и надеются на некое несуразное воскрешение именно к этой жизни. Поэтому мертвых своих они снабжают в соответствии с их положением. Например, бедным готовят много мяса и хоронят его вместе с мертвым, обкладывая его со всех сторон, а также новой одеждой, в придачу к той, в которую он был одет. И дают ему даже немного денег. Распределив таким образом мясо и деньги, они добавляют также сменную одежду и кладут под голову мертвому или мертвой нарядную и красивую одежду, свернутую валиком, и говорят ему: “Если кто придет и возжелает украсть прикрытое тобой, не позволяй, но дай ему то, что у тебя под головой. И если кто-либо задаст тебе вопрос о Боге, то следи за тем, чтобы не ответить ничего, кроме: «Знаю, что Бог есть Бог»”. И так его хоронят.

Особо знатным также добавляют [в могилу] лучшую из всех его лошадей. Затем его оруженосец садится на лошадь, которую готовят похоронить вместе с мертвым, и он загоняет лошадь бегом туда-сюда до полного изнеможения, а затем моет голову лошади чистым и крепким вином, и лошадь падает; далее он потрошит ее и вынимает из брюха лошади все внутренности, и наполняет его свежей травой, а затем просовывает большой шест через зад, так чтобы он вышел через рот. И таким образом, проткнув ее шестом, закрепляет его в висячем положении и приказывает ему (коню), чтобы он был готов, когда бы ни восстал его господин. И затем они закапывают мертвого в могиле.

Когда же умирает император, то ко всему вышеуказанному добавляются драгоценные камни и даже многочисленные сокровища. Также у них было в обычае хоронить вместе с умершим господином до двадцати живых слуг, чтобы они были готовы прислуживать господину, когда тот возжелает подняться. Однако позже, когда они стали общаться с христианами, христиане осуждали эти ужасные действия и говорили: “Не следует живых хоронить с мертвыми”. Вследствие этого они освободили одного из рабов. Сами же тартары сильно возмущаются против христиан, и говорят про них, что они люди жестокие и жадные, потому что они не снабжают своих мертвых ни деньгами, ни пищей, ни одеждой. Ибо, как было сказано, тартары надеются на некое несуразное воскрешение к той

¹³ Формула “Scio, quod Deus est Deus” является буквальным переводом коранического выражения: *нет Бога, кроме Аллаха*.

же самой тленной жизни. И когда могут, хоронят своих мертвых возле церквей и на христианских кладбищах. И за большую цену покупают у епископов место для захоронения. Отношение же тартар к воскрешению очень похоже и близко к заблуждению сарацин и иудеев. И о том, что они ждут [после смерти], будет сказано ниже, когда пойдет речь о сарацинах. И да будет известно, что тартары почитают неких людей выше всех остальных в мире – *бокситов*¹⁴, т.е. идолослужителей. И люди эти индийцы, они мудры, хорошо организованы и отличаются очень строгими нравами.

Жан де Жуанвиль. История короля Людовика Святого

Jean de Joinville. Histoire de Saint Louis. Texte original par Natalis de Wailly. Paris, 1906. (Пер. со старофранц. Ю.П.Малинина и Г.Ф.Цибулько).

[§ 495] Пока король отстраивал Кесарею, к нему прибыл мессир Нарго де Туси¹⁵. И король говорил, что он приходится ему кузеном, так как ведет происхождение от одной из сестер короля Филиппа, которую взял в жены император Андроник. Король оставил его с десятью рыцарями на год; а потом тот уехал и возвратился в Константинополь, откуда прибыл. Он рассказал королю, что император Константинопольский¹⁶ и прочие знатные люди, находившиеся тогда в Константинополе, отправились к народу, коего называют куманами, дабы заручиться их помощью против Ватаца, который был тогда императором греков.

[§ 496] И чтобы одни помогли другим хотя бы раз, император и остальные бывшие с ним знатные

люди пустили себе кровь и собрали ее в большую серебряную чашу. И король куманов и прочие знатные люди, бывшие с ним, в свою очередь проделали то же и, смешав свою кровь с кровью наших людей, вылили в вино и воду и выпили их, и наши люди также; и тогда они сказали, что становятся братьями по крови. Еще они пропустили между своими и нашими людьми собаку и изрубили ее с нашими людьми мечами; и сказали, что пускай так будут изрублены они, ежели изменят друг другу.

[§ 497] Еще он рассказал нам о великой диковинке, которую увидел во время пребывания в их войске: когда помер один знатный [куманский] рыцарь, ему вырыли в земле огромную и широкую яму и, преблагородно украшенную, усадили его на стул; и с ним покладали наилучшую лошадь какая у него была, и самого лучшего воина, живого. Воин, прежде чем быть опущенным в яму со своим сеньором, простился с королем куманов и остальными знатными сеньорами; и пока он прощался с ними, в его суму сыпали много золота и серебра и говорили ему: “Когда я приду в мир иной, ты мне вернешь то, что я тебе даю”. И он отвечал: “Исполню это с великой охотой”.

[§ 498] Великий король куманов передал ему послания, обращенные к их первому королю, в коих сообщал, что сей достойный муж очень хорошо прожил и прослужил ему, и просил короля вознаградить воина за его службу. Когда это было исполнено, они опустили [его] в яму с его господином и живой лошадью; а потом закрыли отверстие ямы плотно сбитыми досками, и все войско бросилось за камнями и землей; и прежде, чем лечь спать, они в память о тех, кого погребли, возвели над ними высокую гору.

Литература и архивные материалы

- Арсланова Ф.Х.**, 1970. Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области// По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Бартольд В.В.**, 1966. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов// Сочинения. Т.IV. М.
- Бравина Р.И.**, 1986. Погребальный обряд якутов как историко-этнографический источник (XVIII-XIX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Вернадский Г.В.**, 1939. О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф.Минорского. Bruxelles.
- Дмитриев С.В.**, 2001. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников// Антропология насилия. СПб.

¹⁴ *Бакии*, от санскритского bhikshu; так обозначали буддийских отшельников, а затем шаманских жрецов и лекарей.

¹⁵ *Нарго де Туси* – на самом деле, речь идет о Филиппе де Туси. Нарго де Туси, с которым Жуанвиль перепутал Филиппа, являлся отцом последнего, был внуком сестры Филиппа Августа, Агнесы.

¹⁶ *Император Константинопольский* – Бодуэн II.

- Дубровский Д.В.**, 2002. Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников Улуса Джучи// Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М.
- Ефимов К.Ю.**, 2000. Золотоордынские погребения могильника “Олень-Колодезь”// РА. № 1.
- Зяблин Л.П.**, 1955. О “татарских” курганах// СА. № 22.
- Иванов С.В.**, 1987. Числовая символика и пол в представлениях и обрядах народов Азии (к постановке вопроса)// Страны и народы Востока. Вып. XXV. М.
- Именохоев Н.В., Коновалов П.Б.**, 1985. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье// Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.
- Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З.**, 1970. Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола// По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Катанов Н.Ф.**, 1894. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней// ИОАИЭ. Т. XII. Вып. 2. Казань.
- Киракос Гандзакечи**, 1976. История Армении/ Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М.
- Книга Марко Поло**, 1956/ Пер. старофр. текста И.П.Минаева, ред. и вступ. ст. И.П.Магидовича. М.
- Кравец В.В.**, 2005. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж.
- Крамаровский М.Г.**, 2002. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв.// Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань.
- Кьодо Э.**, 1993. Гарил: жертвоприношение предкам в культе Чингис-хана// ЭО. № 2.
- Кычанов Е.И.**, 1966. Чжурчжэни в XI в.// Древняя Сибирь. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. Новосибирск.
- Липец Р.С.**, 1982. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе// Обряды и обрядовый фольклор. М.
- Маргулан А.Х.**, 1959. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры// ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата.
- Мункуев Н.Ц.**, 1970. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников: Рукопись дис. ... д-ра ист. наук. М.// Архив Института востоковедения. VII М 4ж/Мун. Отд. рук.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А.**, 2007. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей. Армавир// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7. Ставрополь.
- Неклюдов С.Ю.**, 1977. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре// Семиотика и художественное творчество. М.
- После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий**, 1968/ Пер. с лат. и староитал. яз., вступит. статья и прим. Я.М.Света. М.
- Потанин Г.Н.**, 1883. Очерки Северо-Западной Монголии// Материалы этнографические. Вып. 4. СПб.
- Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука**, 1957/ [Пер. А. И. Малеина], ред., вступ. ст. и прим. Н.П.Шастиной. М.
- Рашид-ад-дин**, 1946. Сборник летописей/ Пер. с перс. А.К.Арендса, под ред. А.А.Ромаскевича, Е.Э.Бертельса и А.Ю.Якубовского. Т. III. М.; Л.
- Рашид-ад-дин**, 1952. Сборник летописей/ Пер. с перс. О.И.Смирновой, прим. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой, ред. А.А.Семенова. Т. I. Кн. 1-2. М.; Л.
- Рашид-ад-дин**, 1960. Сборник летописей/ Пер. с перс. Ю.П.Верховского, прим. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. Т. II. М.; Л.
- Рыкин П.О.**, 2002. Создание монгольской идентичности: термин “монгол” в эпоху Чингис-хана// Вестник Евразии. Acta Eurasica. № 16. М.
- Савинов Д.Г.**, 1994. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды**, 1941. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л.
- Семенов Вл.А.**, 1994. “Ритуальный двойник” в похоронном обряде саяно-алтайских скифов (Эволюция погребального обряда кочевников Южной Сибири)// Смерть как феномен культуры. Сыктывкар.
- Сыркин А.Я., Топоров В.Н.**, 1968. О триаде и тетраде// III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тарту.
- Тангад Д.**, 1992. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР// Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск.
- Толеубаев А.Т.**, 1984. Происхождение и сущность казахского обычая посвящения умершему коня//

- Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. № 2. Алма-Ата.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Фома Сплитский**, 1997. История архиепископов Салоны и Сплита/ Вступ. ст., пер. и коммент. О.А.Акимовой. М.
- Христианский мир** и “Великая Монгольская империя”. Материалы францисканской миссии 1245 года. “История Тартар” брата Ц. де Бридиа, 2002/ Критический текст, пер. с латыни С.В.Аксенова и А.Г.Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А.Г.Юрченко. СПб.
- Юрченко А.Г.**, 2003. Монгольская мужская прическа XIII века// *Mongolica-VI*. СПб.
- Юрченко А.Г.**, 2006. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб.
- Яковлев Е.К.**, 1900. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск.
- Bousquet-Labou erie C.**, 1995. Face   l’islam, Ricold de Monte Croce (1288) et son imagier (1405)// *P lerinages et croisades*. Paris.
- Boyle J.A.**, 1963. Kirakos of Ganjak on the Mongols// *CAJ*.8.
- Boyle J.A.**, 1965. Form of Horse Sacrifice Amongst the 13th- and 14th Century Mongols// *CAJ*.10.
- Boyle J.A.**, 1970. The Burial Place of the Great Khan  gedei// *Acta Orientalia*. XXXII. Copenhagen.
- Giovanni di Pian di Carpine**, 1989. Storia dei Mongoli/ Edizione critica del testo latino a cura di E.Menest ; traduzione italiana a cura di M.C.Lungarotti e note di P.Daffin ; introduzione di L.Petech; studi storico-filologici di C.Leonardi, M.C.Lungarotti, E.Menest . Spoleto.
- Hystoria Tartarorum** C. de Bridia monachi, 1967/ Ed. et annot. A. nnerfors. Berlin.
- Pelliot P.**, 1959. Notes on Marco Polo. Vol.1. Paris.
- Peregrinatores medii aevi** quatuor. Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odoricus de Foro Julii, Wilbrandus de Oldenborg, 1864/ Quorum duos nunc primum edidit duos ad fidem librorum manuscriptorum recensuit J.C.M. Laurent. Lipsiae.
- Roux J.-P.**, 1963. La mort chez les peuples altaiques anciens et medievaux. Paris.
- Simon de Saint-Quentin**, 1965. Histoire des Tartares/ Publi e par J.Richard. Paris.
- Sinica** Franciscana, 1929. Vol.I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P.Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi – Firenze.
- The Vinland Map and the Tartar Relation**, 1965/ by R.A.Skelton, Th. E.Marston, and G.D.Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A.O.Victor. New Haven; London.

Summary

A.G.Yurchenko (Saint-Petersburg, Russia)

SECRET TOMBS OF MONGOLS (AS REPORTED BY FRANCISCAN MISSION OF 1245)

Reports of the Franciscan mission of 1245 deal with the burial ceremony of the military elite of the Mongol Empire. There were three types of the mortuary ceremony: the burials of junior officers, the burials of senior officers, and those of the Chingisids. The overwhelming archaeological evidence of the 13th-14th cc. has no correspondence with the medieval records. This means that it was the secrets of the Mongol Empire but not the ordinary life of rank and file nomads that inspired a great interest between the Franciscans. The Soviet archaeology had not found any traces of the Mongol secret burials and thus declared that the “Mongols” took a minimal part in the cultural life of the Golden Horde. This statement is based on complete misunderstanding as to the meaning of the term “Mongols”, a polytonym which implied the whole ethnic mosaics of the Empire.

The secret burials of the Mongols should be probably considered as an imperial phenomenon, as a sacral practice of a group which waged a war of aggression over vast territories. Thus, they did not form an exclusive ethnographic feature of the Mongol nomadic life. By the end of the 13th c. when the western imperial expansion was over the Mongols in Dasht-i Qip aq began to construct burial mounds (kurgans) over the tombs. The secret Mongol tombs which attracted a keen interest of the Franciscans are just an element of the war mythology.

Статья поступила в редакцию в июне 2007 г